

Дождь барабанит по палаткам командного поста, омывает землю. Смолкли минометы на передовой. От теплой земли, предвещающая период муссонов, поднимается пар. Тяжелые капли воды рассекают стелющийся по земле туман. Пытаясь укрыться от ливня под кронами могучих деревьев, корни которых напоминают застывшую лаву, несколько человек шлепают по грязи. Стальные пережидают дождь в палатках или под навесами из нейлона. Они неподвижно растянулись на ложах из банановых листьев.

Мы находимся у Сала Фукуна, на том самом участке фронта, где 30 декабря 1960 года были окружены войска генерала Фуми Носавана, состоящие в основном из тайландских воинских подразделений. На соседнем поле, расположенном на склоне горы, мерно колышутся прекрасные белоснежные чашечки мака. Они наклоняются, и на землю льется отягчающая их вода. Пройдет немного времени, и из горных деревушек спустятся лаосанги, начнется сбор маковых головок, из которых затем добудут опиум.

Да, природа Лаоса изумительна. Горы и саванны. Последние как будто созданы для того, чтобы оттенять красоту девственных лесов. Но люди, расположившиеся тут лагерем, еще более изумительны и интересны.

Вот осторожно ступает, боясь поскользнуться и упасть в грязь, полковник лаосской королевской армии Бун Сун. Он направляется к палатке командующего, где происходят ежедневные совещания руководителей Патет-Лао.

Вот укрывшись одним куском нейлона, обнимая друг друга за талию, идут боец Патет-Лао и парашютист батальона капитана Конг Ле. Словно забавное четвероногое, они, смеясь, удаляются по направлению к дороге. Эта простая сценка стоит того, чтобы быть отмеченной. Ведь одного из них, а именно парашютиста, призвали в армию, одели, обули, обучили военному делу, заплатили жалованье для того, чтобы он убил другого — война Патет-Лао.

Было приказано организовать прочесывание местности, окружение и уничтожение частей Патет-Лао и полковнику Бун Суну. Но операции, которыми он руководил, ничего не давали, а что касается окружения, то, когда кольцо преследователей замыкалось, внутри оказывалась пустота. Тем, кто направлял и финансировал эти операции, не могло прийти в голову, что через несколько месяцев полковник Бун Сун и руководители Патет-Лао будут заседать в одной палатке, а элита воинских частей — парашютисты будут жить под одной крышей с воинами Патет-Лао и вместе готовиться к наступлению.

Как известно, слияние частей Патет-Лао и королевской армии было предусмотрено Женевскими соглашениями 1954 года. Но эти соглашения саботировались по указке американских империалистов. А сейчас слияние стало фактом, оно приняло форму тесного союза. Образовано общее верховное командование, во главе которого стоит капитан Конг Ле.

Поймут ли когда-нибудь американские советники, что их неудача объясняется не тем, что дело

было плохо подготовлено, что кадры второго батальона парашютистов Конг Ле недостаточно внимательно подобраны, а тем, что сама основа, на которой строились их расчеты, — порочна? Усвоят ли они ту простую истину, что прошли те времена, когда можно было без особого труда набирать армии из лаотянцев и посылать их сражаться против соотечественников?

Попытка натравить лаотянцев друг на друга, применить старый лозунг «Разделяй и властвуй» привела к обратному результату: народ Лаоса объединился для борьбы с американским засильем.

* * *

Дождь продолжает стучать по крыше нашей палатки. Чем заняться? Нужно обладать ловкостью канатоходца, чтобы двигаться по этой промокшей земле, состоящей из склонов и долин, покрытых непроходимыми джунглями.

Я БЫЛ В САЛА ФУКУНЕ

ЖАН-ЭМИЛЬ ВИДАЛЬ

Французский журналист

— Непреходимыми, а это смотря для кого... — замечает Сомлак — мой спутник.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Лишь то, что для нас джунгли проходимы.

Сомлак имеет все основания утверждать, что он знает джунгли. Ему 31 год, в 1948 году он вступил в Патет-Лао. Народ был не в силах долгие терпеть гнет французских колонизаторов. Со всех концов страны молодежь вливалась в ряды Сопротивления.

— В то время, — говорит мой спутник, — я жил в лесах провинции Чампассак. Кругом все деревни были заняты французами. Иногда месяцами я не видел ни души. Питался дикорастущими плодами, сосал молодые побеги банановых деревьев. Иногда на пелищах добывал немного маиса. Другие последовали моему примеру. Образовался отряд в 150 человек, и мы начали серьезно беспокоить врага.

В 1954 году мы еще лучше узнали джунгли. Мы прошли 1500 километров по тропическому лесу за три месяца, причем мы шли главным образом по затопленной дождями местности. Тогда у нас было пять батальонов в Нижнем Лаосе. По Женевским соглашениям, часть их должна была быть расформирована, часть — перегруппирована на Севере. Я оказался в числе тех, кто должен был направиться на Север. Но для того, чтобы туда пробраться, надо было прежде всего ночью, тайно, переправиться через Меконг, под носом у французов, которые,

несмотря на то, что было объявлено перемирие, караулили нас на другом берегу, чтобы уничтожить. Но мы проскользнули между их засадами...

— После того, как мы благополучно переправились через реку, начался длительный поход на Север. Кончились запасы риса. Непрестанно лил дождь, долины затопило. Замерла жизнь в деревнях, все отсиживались в своих хижинах на сваях. На протяжении сотен километров нет даже тропок, для того чтобы пройти, надо рубить лианы и лесные заросли, прокладывать мосты над стремительными потоками воды, карабкаться и спускаться по крутым скалам. В этих условиях плечи товарищей служат ступеньками лестницы. Однажды мы трое суток преодолевали километр пути. Затем мы вышли к затопленной долине. Лишь верхушки деревьев выступали из воды. Нам пришлось перекинуть от вершины к вершине стебли индийского тростника и пробираться по ним, подобно канатоходцам. Трое утонуло...

Мы шли и ночевали в воде, глубоко погружались в грязь на крутых тропинках, карабкались, скользая на каждом шагу, падали, поднимались и снова карабкались. Вот каким был наш трехмесячный марш. Наконец мы добрались до Сам-Нёа и Фонг-Сали. На самодельных носилках мы несли больных...

Да, я начинаю понимать, почему, находясь в повседневном общении с бойцами Патет-Лао, парашютисты Конг Ле, как, впрочем, и весь лаотянский народ, все более восхищаются ими.

Парашютисты хотят следовать примеру этой подлинно народной армии. Подумать только, ведь бойцы Патет-Лао, если они захотят съесть курицу, не отбирают ее у населения, а покупают. Высокие этические нормы, которым следуют воины Патет-Лао, оказывают колоссальное влияние на людей, которым внушали во французских или американских военных училищах, что надо жить по принципам «своя рубашка ближе к телу» и «на войне, как на войне». И то, что эти люди освобождаются от звериной психологии, в духе которой их воспитывали, — второе и не менее важное поражение империалистов.

Действительно, кого противопоставляют народной армии? Наемников, сражающихся за деньги, которым надо сохранить любой ценой свою шкуру, если они хотят воспользоваться своим жалованьем. Пока я находился на фронте в районе Сала Фукуна, по радио несколько раз перехватывали многократно повторявшиеся приказы вьетнамского командования войскам Фуми Носавана. Никогда приказы о наступлении не выполнялись. Американские ставленники Бун Ум и Фуми Носаван терпели один провал за другим.

* * *

Через день дождь кончился. Солнечные лучи отвесно падают на землю. Все покрыто теплой влагой, которая вот-вот испарится. Еще несколько недель продлится сухой сезон.

Со всех сторон поднимается дым, он застилает горизонт, слышен треск горящих деревьев. В конце сухого сезона, в марте-апреле, крестьяне выжигают участки леса. Затем они взрыхлят удобренную золой землю, бросят в нее семена риса и будут ждать урожая.

Ирригация в Лаосе применяется только в долине Меконга и прилегающих к ней равнинах. На остальной территории господствует подсечное земледелие, крайне примитивное и малоурожайное. Только низкая плотность населения и обилие нетронутых земель позволяют прокормить страну

столь малопродуктивным способом. Исчерпав возможности какого-либо района, а это происходит каждые 15—40 лет в зависимости от местных условий, крестьяне переходят на новое место.

Словно растительность, меняющаяся в зависимости от высоты над уровнем моря, различные народности, населяющие Лаос, размещаются как бы по вертикали. Это любопытное явление я наблюдал по дороге из Долины кувшинов в Сала Фукуна.

В долинах, где рисовые поля орошаются (а надо сказать, что процент их весьма незначителен), находятся поселения народности лао-лум, что в переводе означает лао, живущие внизу. Их деревянные, крытые соломой дома аккуратно и тщательно построены: деревни лао-лум кажутся зажиточными. Лао-лум, наиболее могущественная народность Лаоса, происходящая от таи, живут в городах и долинах. Обычно им принадлежат лучшие земли.

Дорога, извиваясь, ползет вверх. Приблизительно на середине горного подъема начинают попадаться поселки лао-тенгов. Их свайные хижины, расположенные одна над другой, как бы карабкаются по склону. По своему происхождению лао-тенги — индонезийцы, иногда их называют «кха», что означает раб. Они занимаются главным образом земледелием и составляют наиболее значительное национальное меньшинство Лаоса. Жилища их, безусловно, беднее жилищ лао-лум, а перегородки заменяют циновки.

Когда же мы добираемся до вершин гор, то попадаем к лао-сунгам, или лао, живущим наверху. По своему происхождению — это китайская народность мяо, переселившаяся из провинции Юньнань. Климат горных вершин напоминает климат их родины. Жилища их еще более примитивны. Создается впечатление, что перед вами временный лагерь, а не постоянное поселение. Как и кха, мяо занимаются подсечным земледелием, а когда почва в округе истощается, переходят на другое место.

Крестьяне Лаоса занимаются подсечным земледелием и охотой. Свободных земель в стране достаточно, и частная собственность на нее лишь начинает зарождаться. Следовательно, в Лаосе не получила развития классическая форма феодализма, основу которой составляла частная собственность на землю крупных землевладельцев. Нет там и феодализма типа монгольского, базировавшегося на контроле над выпасами.

Основа феодальных отношений, развивающихся сейчас в Лаосе, — административный контроль над населением.

Каждый лаосский принц, правящий той или иной провинцией, старается выжать из населения как можно больше податей.

До колонизации в стране еще имели место пережитки первобытнообщинной демократии, деревенские старосты и местная администрация избирались населением. Но французские колонизаторы быстро уничтожили этот обычай. Колониальная администрация сама стала назначать окружных и сельских старост (тассенгов и наи бан). Основным критерием при их назначении являлась готовность служить верой и правдой захватчикам. Естественно, подобные представители администрации не защищали прав населения, а занимались выколачиванием средств из нищего крестьянства.

В 1954 году французские колонизаторы вынуждены были уйти из страны. Местные феодалы поспешили воспользоваться административным аппаратом, созданным колонизаторами, и заставить население платить им подати и нести повинности. А в Лаосе налоги и подати чрезвычайно велики. Ими облагаются

и урожай и скот. Каждый мужчина в возрасте 16—60 лет обязан отработать на феодалов 30 дней в году, его могут вызвать на строительство дома тассенга, на ремонт дорог...

Одна из характерных черт лаотянского общества — почти полное отсутствие рабочего класса. Около сотни человек работает на рисоочистительных заводах, около 250 — на оловянных коях. Сейчас появилось несколько лесопилок. И это все.

В стране есть мелкая национальная и компрадорская буржуазия. В деревне можно выделить бедных крестьян, середняков и кулаков. Но в целом в стране очень трудно провести границы между отдельными социальными слоями. Классы еще только формируются.

Основной вопрос в Лаосе — это вопрос о демократических реформах. Они жизненно необходимы народу. Необходимо положить конец самоуправству тассенгов, отменить повинности и облегчить налоги. Этого настоятельно требует все крестьянство. В районах, освобожденных частями Патет-Лао, реформы уже проведены. Там, где установлена власть Патет-Лао, покончено с феодальной эксплуатацией и начинавшим развиваться крепостничеством.

Трудно переоценить значение реформ, проводимых Патет-Лао. В стране, где так низка производительность труда, тяжелые налоги и повинности мешают развитию производительных сил, держат и без того нищий народ в ярме. А новая обстановка, которая создавалась в районах, контролируемых Патет-Лао, будет решающим фактором в формировании нового, нейтрального Лаоса.

Огромное влияние, которым пользуется в стране Патет-Лао, — залог быстрого уничтожения феодальной системы и установления демократического строя в стране.

* * *

Народ Лаоса — горячий приверженец мира. На Западе любят подшучивать над его добротой и отвращением к войне. Одно ответственное лицо Патет-Лао рассказывало мне, что в конце декабря прошлого года, когда шли бои за Долину кувшинов, солдаты Конг Ле и бойцы Патет-Лао со слезами на глазах останавливались возле убитых, а затем продолжали преследование бегущего неприятеля.

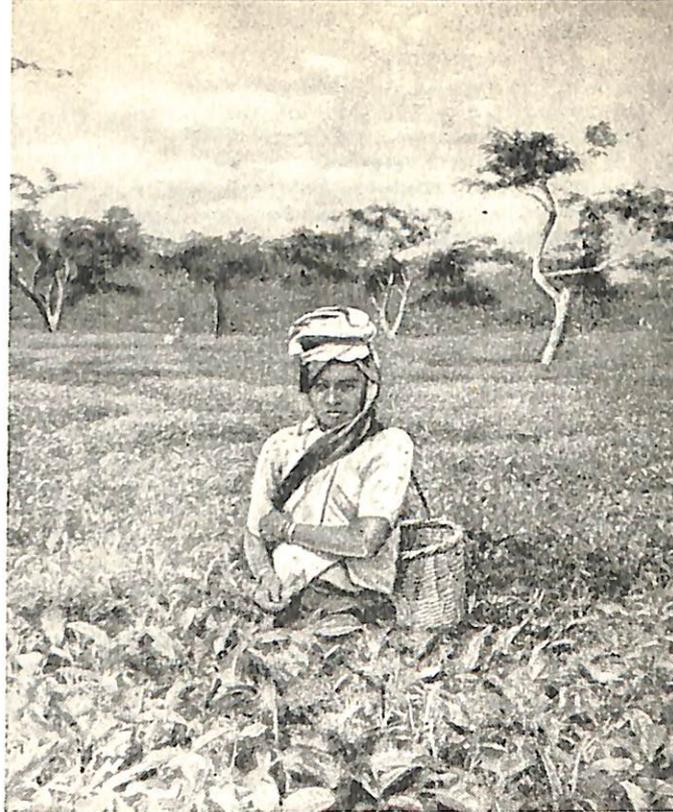
Бойцы Патет-Лао доказали, что ради того, чтобы отстоять независимость своей родины, они способны мужественно сражаться и годами переносить лишения. Парашютисты Конг Ле, как только перешли на сторону народа, доказали, что они могут быть первоклассными воинами.

Проиграли, безоговорочно проиграли американцы. Они хотели уничтожить Патет-Лао, а на деле помогли ему укрепить свое влияние в народе и удесятерить свои силы.

Они начиная с 1954 года прилагали все усилия, чтобы вовлечь Лаос в фарватер своей политики. В результате в стране резко увеличилось количество сторонников нейтрализма. Ежегодно американцы тратили 40—50 миллионов долларов на проведение своей политики в Лаосе — им удалось подкупить нескольких человек, но вся нация поднялась против коррупции.

Они пытались с помощью одних лаотянцев уничтожить других. В результате вся нация поднялась против них.

Трудным путем, в тяжелой борьбе идет Лаос к миру и нейтрализму. Пусть его пример послужит урком американским стратегам. Если американские империалисты не сумеют сделать правильные выводы, то они будут обречены на новые неудачи и провалы.

На чайных плантациях Ассама

К. ПЕРЕВОЩИКОВ

Индийский чай! Поистине весь свет облетела слава о нем. Кому не доводилось пить его или просто слышать о чудесном продукте индийской земли? Кто не испытывал наслаждения от этого ароматного вкусного напитка? Но тем, кто производит его — индийцам, он принес больше горя, чем радости.

До сравнительно недавнего времени индийцы не знали чая и обходились без него. Он был известен только жителям горных районов страны.

Приход чая в Индию ознаменовал начало наиболее хищнического колониального грабежа страны. Немногим более ста лет назад алчные до наживы толпы дельцов хлынули сюда из Англии и стали расхватывать земли, создавать компании, настоящие и фиктивные, обманывая индийцев и друг друга. Сумбурно было начало, а затем потекли страшные для народа годы колониального «порядка».

Восток страны — Ассам стал первой и главной жертвой чайной лихорадки колонизаторов. И сейчас почти вся свободная от джунглей и тропических болот земля долины Брампутры до гор Тибета покрыта массивами чайных плантаций. На каж-